

УДК 130.1:94(470)

doi 10.17072/2219-3111-2019-1-138-147

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ МИФОЛОГИИ «НОЯБРЬСКИХ» ПРАЗДНИКОВ В РОССИИ

С. Ю. Малышева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18
Svetlana.Malycheva@kpfu.ru

Рассматривается использование «ноябрьских» праздников (7 и 4 ноября) в качестве инструментов институализации культурной памяти об исторических событиях. Предпринимается попытка размышления об эволюции исторической мифологии и о переозначивании главного советского праздника – Дня пролетарской революции – в XX – начале XXI в. В раннесоветское время в исторической мифологии Октября превалировала революционная ретроспектива. В годы Великой Отечественной войны она была значительно скорректирована обращением к сюжетам и персоналиям русской/российской истории. В позднесоветский период историческая составляющая праздника значительно редуцировалась и формализовалась. Распад СССР, разрушение идеологического наследия Советского Союза, формирование в обществе разных представлений о прошлом страны и ее будущем, острое гражданское политическое и военное противостояние 1990–х гг., постепенное размывание советской идентичности в конце XX – начале XXI в. актуализировали задачу смены исторического *longuedurée* – революционной ретроспективы национальной/националистической. Эти обстоятельства предопределили судьбу главного революционного праздника СССР. Быстрая и исторически малообоснованная смена исторических значений и смыслов «ноябрьского» праздника в России в 1990–х – начале 2000–х гг. свидетельствовала о качестве политической ситуации в стране и о состоянии государственной власти, об отсутствии консенсуса в общественно-политической сфере. Операции с культурной памятью, усиленное конструирование и насаждение исторической мифологии чаще всего обусловлено недостатком легитимации власти и желанием ее обосновать / обновить.

Ключевые слова: праздник, 7 ноября, историческая мифология, культурная память.

В современной литературе, посвященной проблемам культурной памяти, немалое место отводится коммеморативным практикам, в том числе праздникам и праздничным ритуалам. Этот интерес обусловлен тем, что одной из важных функций праздников является институализация и поддержание мифа о прошлом – «обосновывающей истории, истории, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения» [Ассман, 2004, с. 55]. На тесную связь культурной памяти, праздника и мифа указывали и исследователи советского [Нарский, 2004; Красильникова, 2015] и постсоветского общества [Smith, 2002; Малинова, 2015]. Историческая мифология советских празднеств, прежде всего раннесоветских, ее содержание и сюжетные линии привлекали внимание историков начиная с 1980–х гг. [Lane, 1981; Schloegel, 1988; Stites, 1989; Geldern, 1993; Figs, Kolonitskii, 1999]. В этой статье предпринимается попытка размышления об эволюции исторической мифологии и о переозначивании главного советского праздника – Дня пролетарской революции – в XX – начале XXI в.

Празднование годовщины Октябрьской революции – 7 ноября по новому стилю – было установлено, как известно, 16 сентября 1918 г. по предложению Я.М.Свердлова постановлением ВЦИК (Декреты Советской власти, 1957, т. 1, с. 352). Этот праздник стал первым и главным в сложившейся на протяжении осени – зимы 1918 г. системе революционных праздников, дней, которые признавались нерабочими. Они были закреплены принятыми 2 декабря 1918 г. Правилами Совнаркома о еженедельном отдыхе и о праздничных днях, включенными затем в Кодекс Законов ВЦИК о труде – первый советский КЗОТ. В Правилах была обозначена коммеморативная функция первых шести советских революционных праздников, «посвященных воспоминаниям об исторических и общественных событиях» (Декреты Советской власти, 1968, т. 4, с. 123).

Ранние советские празднества были использованы большевиками для создания и «продвижения» в массы нового исторического мифа, призванного легитимировать захват власти в Октябре 1917 г. Основным содержанием этого мифа стала непрерывная классовая борьба угнетенных про-

тив угнетателей, вневременного «пролетариата» против вневременной «буржуазии». Для его иллюстрации отдельные сюжеты по истории восстаний, революций и революционные персонажи «извлекались» из российской и европейской истории и в ходе инсценировки упрощались до уровня абстрактной борьбы добра и зла [*Geldern*, 1993, р. 3, 12, 177–206; *Stites*, 1989, р. 88, 94–97; *Schloegel*, 1988, S. 355–366; Малышева, 2005], а Октябрьская революция 1917 г. позиционировалась как логическое завершение, кульминация этой эпохальной битвы.

С помощью исторической мифологии раннесоветских празднеств особенно старательно корректировалась коллективная память жителей страны о событиях недавнего прошлого, прежде всего о Первой мировой войне, революции и Гражданской войне. Имелся в виду не только выбор конкретных сюжетов для вспоминания/забывания. Для легитимации гражданской борьбы в стране, войны с внутренним и внешним врагом большевики использовали и творчески переработали некоторые прежние дискурсивные практики, в частности, деструктивную составляющую патриотического дискурса времен Первой мировой, а именно мощные ксенофобские настроения. Разумеется, намного больше была востребована «социальная» и «политическая» ксенофобия. Уже в самых первых советских праздничных инсценировках четко прослеживаются противоположные тенденции в изображении «своих» и «врагов». Девиантность классовых врагов подчеркивалась буффонадной, клоунской, шутовской манерой их презентации, дегуманизацией образов. Однако ценности интернационализма, провозглашенные большевиками, не мешали им разыгрывать карту «национальной» ксенофобии, а праздничный дискурс был одним из удобных каналов для ее трансляции [*Malysheva*, 2014, р. 116–117].

С помощью праздничного дискурса в раннее советское время корректировались и другие важные моменты коллективной памяти. Так, последняя фиксировала ощущение разлома, произведенного событиями мировой, гражданской войн и революции. И «точкой отсчета» новой эпохи – эпохи катастроф – в коллективной памяти выступала именно мировая война. Однако в официальном большевистском нарративе роль смыслового стержня коллективной памяти о событиях войн и революций 1914–1922 гг. отводилась комплексу мифов и сюжетов об Октябрьской революции. Вследствие этого события Первой мировой войны искусственно «перекрывались» в официальном советском дискурсе событиями революции. В революционных празднествах, сопровождавшихся историческими инсценировками «империалистической войны» (например, в Казани к десятилетию начала мировой войны – Инсценировка..., 1924), события самой войны, ее начало и окончание оказывались затеряны среди классовых битв «рабочих» и «властвующих». В то же самое время Октябрьской революции придавалось значение точки отсчета нового времени, новой эпохи, поэтому праздник годовщины Октябрьской революции в документах до начала 1920-х гг. нередко обозначался как «встреча Нового революционного года» (ГАРТ. Ф. Р–732. Оп. 1. Д. 127. Л. 72.).

Однако, замещая Октябрем в коллективной памяти то, что знаменовала мировая война, большевики вовсе не хотели связывания с ним негативных коннотаций, ощущения социальной и гуманитарной катастрофы. А именно так события Октября 1917 г. воспринимались частью населения, даже лояльного новой власти. «Кошмарные ужасы переживаемого исторического момента, дурманящий угар политической борьбы, специфический запах крови и слез...» – это характеристика периода революции из письма рабочего (ГАРТ. Ф. Р–98. Оп. 1. Д. 18. Л. 386). Октябрьская революция, напротив, позиционировалась большевиками как начало эры освобождения. События Октября 1917 г. эмоционально перекодировались: ощущение катастрофы вытеснялось и замещалось в 1920-х гг. праздничным «дискурсом радости». Эта эмоциональная перекодировка осуществлялась и посредством широкомасштабных грандиозных празднований октябрьской годовщины. В ходе их в сознание масс усиленно транслировались элементы официального дискурса, в котором Октябрь квалифицировался почти в библейских категориях освобождения и сотворения царства справедливости и – в соответствии с Марксовым высказыванием о революциях – как праздник трудящихся. Закреплению этого образа в памяти горожанина служили праздничное декорирование города, красочные демонстрации и инсценировки революционных событий, фейерверки и салюты, бесплатные зрелища и развлечения, угощения, собрания и вечера воспоминаний, на которых массам представлялась «верная» картина событий Октября.

Все усилия по продвижению праздничного дискурса радости сыграли немалую роль в переносе тех необыкновенных эйфорических ощущений, которые празднования начала 1920-х гг. вызывали у современников, на события октябрьского переворота. Кульминацией процесса трансфор-

мации коллективной памяти об Октябре стало несколько лет спустя грандиозное празднование его десятилетия под характерными для этого «дискурса радости» лозунгами: «Подготовить десятую годовщину Октября – значит пронизать все и всех яркой радостью октябрьских побед!», «Мало праздновать Октябрь в дни Октября. Надо создать ощущение Октября задолго до годовщины...!» и «Праздник Октября – не праздник для масс. Он – торжество самих масс. Все навстречу подготовке Великих Октябрьских дней!» (ГАРТ. Ф. Р–732. Оп. 1. Д. 1062. Л. 78, 80, 81). Радостному настрою должно было способствовать и увеличение числа нерабочих дней: с 1927 г. трудящиеся отдыхали два дня – 7 и 8 ноября (Постановление Президиума...).

Историческая мифология раннесоветских празднеств реализовала свои функции уже к концу 1920-х – началу 1930-х гг., сформировав коллективную память советского общества. В последующие десятилетия альтернативные версии воспоминаний о революции, как и о Первой мировой войне, бытовали на периферии памяти отдельных групп (в эмиграции, а также в семейных историях) и имели маргинальный статус.

В дальнейшем исторический миф был значительно редуцирован. Так, практически уходят из праздничной мифологии сюжеты и персоналии революционных предшественников Октября, как зарубежных (персоналии – Спартак, деятели Парижской коммуны и др., события – взятие Бастилии и пр.), так и российских (персоналии – Степан Разин, Емельян Пугачев, декабристы, народники, события истории революционного подполья и пр.). И сами события Октября изображаются схематично. Начиная с празднеств в первые пятилетки все больше внимания уделяется показу «наших достижений». Это станет традицией в последующие десятилетия.

Празднование годовщин Октябрьской революции во время Великой Отечественной войны, особенно парад 7 ноября 1941 г. на Красной площади в прифронтовой Москве, после которого войска отправлялись на передовую, способствовало встраиванию праздника Октября в актуальный национально-патриотический контекст многовековой борьбы народов страны с внешним врагом. И.В. Сталин в своей речи на параде упомянул имя Ленина в одном ряду с именами полководцев Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова (Военный парад...). Социально-классовый смысл государственно-политического праздника, легитимировавшего взятие большевиками власти, был скорректирован в направлении национально-освободительном. Если в раннесоветское время в исторической мифологии Октября четко прослеживались две «генеалогические линии» (от отдельных событий и персонажей европейской и российской революционной истории), то в соответствии с актуальным трендом советской идеологии – поворотом к государственничеству и русскому национализму [Brandenberger, 2002] – в ней четко обозначилась национально-патриотическая составляющая – апелляция к сюжетам и персонажам русской/российской истории. На протяжении войны историко-революционная коммеморативная составляющая празднования 7 ноября в стране минимизируется. Так, в городах Сибири это проявлялось и в праздничном декорировании (превалирование темы ударной работы тыла и борьбы с врагом), и в концертных программах (исполнение народных песен, в том числе народных песен о Сталине, а также «фрагмента баллады об Александре Невском», отсутствие «номеров, посвященных темам революции и гражданской войны в программе не было»), и в торжественных речах, из которых «исчезло упоминание о крови героев Октября и гражданской войны, пролитой за идеалы революции». Как констатировала исследователь, «память о “Великом Октябре” стала лишь фоном торжеств» [Красильникова, 2017, с. 147, 149].

Спонтанно институализировавшийся на волне народных чувств радости и скорби и официально объявленный «днем всенародного торжества» и нерабочим днем праздник Победы 9 Мая 1945 г. (Сборник законов..., 1956, с. 216), а также Парад Победы 24 июня 1945 г. (эмоциональный эффект которого в какой-то степени превзошел драматизм парада 7 ноября 1941 г.) составили серьезную конкуренцию Дню 7 ноября в качестве главного национального праздника. Однако страх Сталина и сталинского руководства перед поколением прошедших через всю Европу фронтовиков-победителей, боязнь создания культа принимавшего парад «маршала Победы» Г.К. Жукова, опасение повторения «эффекта войны 1812 г.» [Зубкова, 1999], а также трудно контролируемый и полагающийся небезопасным потенциал народной скорби по миллионам погибшим обусловили решение несколько редуцировать официальный статус национального праздника и дня скорби. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1947 г. нерабочий день 9 Мая с 1948 г. был перенесён на 1 января (Сборник законов..., 1956, с. 376). Позже, в условиях первой волны дестали-

низации, День Победы и приобретший официальные формы культ павших в Великую Отечественную войну приобрели государственное, идеологическое значение для коммунистической идеологии и советского патриотизма. С 1965 г. День Победы вновь становится выходным днем (Указ Президиума Верховного Совета...) и до сегодняшнего дня остается главным общенациональным праздником граждан России, инструментализированным властью в новой политико-идеологической ситуации [Малинова, 2015, с. 88–127].

Таким образом, День 7 ноября в качестве главного государственного праздника и институализированный и изрядно формализованный ко второй половине XX в. исторический миф об Октябре были сохранены. Праздник 7 ноября официально являлся ключевым пунктом культурной памяти советского общества о себе самом, его происхождении и происхождении Советского государства, а его ежегодный ритуал служил утверждению советской идентичности, демонстрации мощи Советского государства и его достижений. Уже с конца 1930-х гг., а в полной мере – в послевоенное время сбилось горячее желание организаторов советских праздников 1920-х – начала 1930-х гг. «продвинуть в быт», сделать их своими для миллионов советских граждан. «Октябрьские», как и «майские», стали стержневыми праздниками досугово-праздничного календаря советского человека, охотно ходившего на демонстрации, накрывавшего дома праздничный стол и собиравшегося за ним с родными и друзьями. Однако это «продвижение в быт», «интимизация» советского революционного праздника имели и оборотную сторону, которая более четко стала проявляться в последние советские десятилетия: в неподконтрольном домашнем пространстве происходило быстрое размывание идеологического содержания праздника, в нем не оставалось места мифу, транслируемому на праздничной площади, либо он сводился к условности – к чистой детской радости нерабочего, «свободного», выходного дня. Эта радость прочитывается даже в, казалось бы, вполне идеологически выдержанном известном стихотворении Самуила Маршака 1958 г.:

День седьмого ноября –
Красный день календаря.
Посмотри в свое окно:
Все на улице красно.
Вьются флаги у ворот,
Пламенем пылая.

Видишь, музыка идет,
Там, где шли трамваи.
Весь народ – и млад, и стар –
Празднует свободу.
И летит мой красный шар
Прямо к небосводу!

Попытки советских идеологов в 1960-х гг. «вдохнуть» в советские праздники идейное содержание путем обновления форм, пышное празднование юбилеев революции в 1967 и 1977 гг. (например, «Праздник “Авроры”» в Ленинграде с инсценированием событий 25 октября 1917 г., карнавальное шествие с показом истории и достижений страны и города за годы Советской власти) практически не изменили эту ситуацию.

Распад СССР, дезавуирование идеологического наследия Советского Союза, формирование в обществе разных представлений о прошлом страны и ее будущем, острое гражданское политическое и военное противостояние 1990-х гг., постепенное размывание советской идентичности в конце XX – начале XXI в., актуализация задачи замены исторического *longuedurée* – революционной ретроспективы на национальную/националистическую, сохранившую риторику борьбы, но против внешнего врага, – все это предопределило судьбу главного революционного праздника СССР. В 1992 г. продолжительность праздничного отдыха была сокращена с двух дней (7 и 8 ноября) до одного, 7 ноября. Первым шагом к переозначиванию праздника 7 ноября стало появление 13 марта 1995 г. федерального закона о «Днях воинской славы (победных днях) России». «Во все века, – говорилось в преамбуле закона, – героизм, мужество воинов России, мощь и слава русского оружия были неотъемлемой частью величия Российского государства». Согласно закону «дни славы русского оружия – дни воинской славы (победные дни) России» являются днями «славных побед, которые сыграли решающую роль в истории России и в которых российские войска снискали себе почет и уважение современников и благодарную память потомков» (Федеральный закон от 13 марта 1995 г.). В первой редакции закона фигурировали 15 дней воинской славы, фиксировавших победы «русского оружия» с XIII по XX в.: от 18 апреля («День победы русских воинов князя Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере (Ледовое побоище, 1242 год)») до 9 мая («День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (1945 год)»), и, соответственно, 9 имен полководцев и флотоводцев: Александр Невский, Дмитрий

Донской, Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, Петр I, А.В. Суворов, Ф.Ф. Ушаков, М.И. Кутузов, П.С. Нахимов. (Примечательно, что большинство имен упоминалось в сталинской речи 7 ноября 1941 г.) Несколько неожиданно в этом ряду оказался День 7 ноября, однако не как праздник Октябрьской революции, а как «День освобождения Москвы силами народного ополчения под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского от польских интервентов (1612 год)» (Федеральный закон от 13 марта 1995 г.). Такое резкое переозначивание праздника, впрочем, не вызвало большого общественного резонанса (кроме понятного изумления историков) и последствий для празднования годовщины Октября в 1995 г. не имело.

Вторая попытка переозначивания полтора года спустя была связана с желанием инструментализировать прежнюю дату в целях «впредь не допускать противостояния, в целях единения и консолидации российского общества» (Указ Президента...). Указом президента Российской Федерации от 7 ноября 1996 г. праздник «годовщины Великой Октябрьской социалистической революции» фактически был ликвидирован – он был переименован в «День согласия и примирения». Замещение мифологии праздника Октября, некогда легитимировавшего исход гражданского противостояния и захват власти, формулой, не обосновывавшей историческую связь желаемого (согласия и примирения) с каким-либо реальным событием в прошлом, а заключающей в себе, скорее, благопожелание, вряд ли оказалось удачным решением [Малинова, 2015, с. 54–61]. Неудивительно, что этот праздник, просуществовавший до 2004 г., а затем исчезнувший из календаря, так и не был воспринят населением страны, 43 % которого даже семь лет спустя продолжало считать его Днем Октябрьской революции (Несогласие с примирением, 2003).

В декабре 2004 г. была произведена третья попытка переозначивания главного революционного праздника СССР. 29 декабря 2004 г. в очередной редакции федерального закона о Днях воинской славы России День 7 ноября фигурирует уже как «День проведения военного парада на Красной площади в городе Москве в ознаменование двадцать четвертой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 год)» (Федеральный закон от 13 марта 1995 г.). Таким образом, авторы этого документа востребовали вариант исторической мифологии праздника периода Великой Отечественной войны. В следующей редакции – от 21 июля 2005 г. – День 7 ноября включается и в другой список – в появившийся в редакции 2005 г. список «памятных дней» (куда также вошли День российского студенчества, День космонавтики, День Конституции, День солидарности в борьбе с терроризмом) – как «День Октябрьской революции 1917 года» (Федеральный закон от 13 марта 1995 г.). В любом случае статус главного государственного праздника, нерабочего дня с обязательными праздничными мероприятиями по всей стране он утратил, став одним из дней воинской славы, в который «в Вооруженных Силах Российской Федерации и других войсках проводятся торжественные мероприятия», и одним из памятных дней, в который «по инициативе государственных организаций и общественных объединений могут проводиться публичные мероприятия» (Федеральный закон от 13 марта 1995 г.).

После выпадения из календаря праздничных выходных дней одного из прежних главных праздников в нем образовалась лакуна, которая должна была быть заполнена равным по значимости и нагруженным идеологически актуальным содержанием днем. О том, что поиски исторической даты, в соответствии с которой можно было бы создавать новый исторический миф и на которую можно было бы ориентировать национальную/националистическую ретроспективу, активно шли, есть некоторые косвенные данные. Например, историк и директор Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан Р.С. Хакимов свидетельствует, что предполагалось установить новый национальный праздник – день Куликовской битвы (8 сентября 1380 г.), по поводу чего ему даже поручалось подготовить записку (Хакимов, 2017). Однако по ряду причин (в том числе ввиду возможного недовольства татарского населения России) этот день не стал одним из главных праздников страны, а под неверно переведенной на новый стиль датой 21 сентября остался в списке Дней воинской славы России, войдя туда еще в 1995 г. как «День победы русских полков во главе с Великим князем Дмитрием Донским над монголо-татарскими войсками в Куликовской битве (1380 год)».

Риторика борьбы в новом историческом мифе с национально-ориентированной ретроспективой, ретроспективой народно-освободительной борьбы должна была быть направлена против внешней опасности, против внешнего врага. И именно список Дней воинской славы России в этом плане предоставлял довольно широкие возможности. Сценарий инициирования и «продвижения»

праздника был выстроен в соответствии с идеей демократического обсуждения: инициатива Межрелигиозного совета России, поддержка ее Государственной думой, Патриархом Московским и всея Руси Алексием, руководителем фракции «Единая Россия», многотысячным народным митингом в Саратове в октябре 2004 г., внесение в ноябре в Государственную думу законопроекта о поправках в Трудовой кодекс, принятие его в конце декабря (День народного единства). Так, в редакции федерального закона от 29 декабря 2004 г. появляется еще один, 16-й, День воинской славы: «4 ноября – День народного единства». В тот же день, 24 декабря 2004 г., Государственная дума приняла закон «О внесении изменений в статью 112 Трудового кодекса Российской Федерации», который 27 декабря был утвержден Советом Федерации и с 1 января 2005 г. вступил в силу (Федеральный закон от 29 декабря 2004 г.). Согласно этому закону День народного единства стал одним из главных праздников страны – нерабочих дней, включенных в Трудовой кодекс, – наряду с другими главными праздниками, абсолютное большинство которых было унаследовано от советской и досоветской праздничной культуры: 1 января (Новый год и сопряженная с ним «каникулярная неделя»), 7 января (Рождество Христово), 23 февраля (День защитника Отечества), 8 марта (Международный женский день), 1 мая (Праздник Весны и Труда), 9 мая (День Победы), 12 июня (День России) (Трудовой Кодекс...).

Мифология праздника связывалась с ситуацией в стране 1990-х – начала 2000-х гг. и актуальной задачей реформирования идентичности российского общества, создания на руинах «советского народа» «российской нации». Так, в материалах РИА Новости, обобщавших транслировавшееся в массы обоснование праздника, выстраивалась вполне четкая мифологическая линия (Смута – национально-государственный кризис, разбой, воровство, мздоимство, пьянство – иноземное вторжение – всенародное и всесословное патриотическое движение – изгнание захватчиков – всесословное избрание царя – торжество православия и национального единства): «Исторически этот праздник связан с окончанием Смутного времени в России в XVII веке. Смутное время – период со смерти в 1584 году царя Ивана Грозного и до 1613 года, когда на русском престоле воцарился первый из династии Романовых, – было эпохой глубокого кризиса Московского государства, вызванного пресечением царской династии Рюриковичей. Династический кризис вскоре перерос в национально-государственный. Единое русское государство распалось, появились многочисленные самозванцы. Повсеместные грабежи, разбой, воровство, мздоимство, повальное пьянство поразили страну. <...> Во всенародном ополчении, в освобождении Русской земли от иноземных захватчиков участвовали представители всех сословий и всех народов, входивших в состав русской державы. <...> С чудотворной иконой Казанской Божией Матери, явленной в 1579 году, Нижегородское земское ополчение сумело 4 ноября 1612 года взять штурмом Китай-город и изгнать поляков из Москвы. Эта победа послужила мощным импульсом для возрождения российского государства. <...> В конце февраля 1613 года Земский собор, куда входили представители всех сословий страны – дворянство, боярство, духовенство, казачество, стрельцы, черносошные крестьяне и делегаты от многих русских городов, избрал новым царем Михаила Романова (сына митрополита Филарета), первого русского царя из династии Романовых. Земский собор 1613 года стал окончательной победой над Смутой, торжеством православия и национального единства» (День народного единства в России..., 2012).

Заметим, что помимо национально-освободительных коннотаций праздник наделялся и духовно-религиозным смыслом. В заявлении Межрелигиозного совета России, инициировавшего в сентябре 2004 г. введение этого государственного праздника подчеркивалось: «Неоценимый пример единого сплава духовного, патриотического и ратного свершения дают нам события 4 ноября 1612 года, когда патриотические настроения народа нашей страны, единение всех граждан, независимо от происхождения, веры и положения в обществе, сплочение и солидарность сыграли особую роль в судьбе России... На протяжении веков на долю нашего народа многократно выпадали тяжелые испытания. Но каждый раз мы находили в себе силы собраться, объединиться – в любви к Отечеству, в уповании на Бога, в верности традиционным духовным ценностям, завещанным предками, чтобы, преодолевая беду, отстоять свою независимость и государственность» (Межрелигиозный совет...).

Историки не только углядели «политический смысл и сиюминутную конъюнктуру» [Пчелов] этого праздника, но и указали на несоответствие даты 4 ноября каким-либо значимым событиям осени 1612 г., на историческую неправомочность определения в качестве интервентов «поляков»,

на недопустимое упрощение сложных событий Смуты, не завершенных избранием царем Михаила, на то обстоятельство, что «“народное единство” рождалось и кристаллизовалось в муках и противоречиях на протяжении всего периода 1610–1618 годов. Его жесткая “привязка” к принятой дате – насилие над реальными фактами истории» [Пчелов; Назаров, 2005].

Историческая необоснованность праздника и весьма спорный мобилизующий потенциал его мифологии и национальной/националистической риторики отразились на рецепции праздника в российском обществе. Несмотря на организацию торжеств на самом высоком уровне, значительная часть населения страны не только не празднует День народного единства, но и затрудняется в определении этого праздника. Проводимые ВЦИОМ на протяжении 2008–2017 гг. опросы показали, что, хотя к 2017 г. примерно 36 % населения испытывают в этот день особые чувства, задумываются о прошлом и будущем страны, 43 % признавалось, что не помнят или не знают названия праздника. Лишь 12 % населения знают точное название праздника, еще 13 % определяли его как «день единства» и 4 % – как «день единства России». Другие ответы были разнообразны: День независимости России (8 %) и День России (5 %), День Конституции (4 %), День солидарности, День Казанской иконы Божьей Матери, День освобождения от поляков Мининым и Пожарским (по 1%). Примечательно, что 4 % жителей страны продолжали отмечать День примирения и согласия, а 2 % полагали, что 4 ноября – это День Октябрьской революции (Россияне о единстве...). В то же самое время праздник с первого года его проведения был инструментализирован не только властью, организовывавшей торжественные мероприятия в этот день, но и националистическими политическими силами («Русский марш», «Русские» и др.).

В вариантах «ноябрьского праздника» советской и постсоветской России, в их историко-мифологическом контенте, тем не менее, усматриваются общие черты. И речь идет не только о преемственности или заимствовании конкретной или близкой к ней даты главного государственного праздника, форм празднования либо использовании отдельных элементов исторической мифологии прежних праздников. Массовые «ноябрьские» советские и постсоветские праздники объединяет их «историческое» содержание, сфокусированность на исторической ретроспективе, хотя качество и направленность этой ретроспективы не оставались неизменными, революционная мифология сменялась национальной/националистической, менялись в ней акценты. Неизменным оставались только избирательность и манипуляционность в выборе «главных» событий истории страны, сопряженность этого выбора с актуальными идеологическими и политическими потребностями. Быстрая и исторически малообоснованная смена исторических значений и смыслов «ноябрьского» праздника в России 1990-х – начала 2000-х гг. свидетельствовала о качестве политической ситуации в стране и состоянии государственной власти, об отсутствии консенсуса в общественно-политической сфере.

Выбор в качестве главных государственных праздников историко-ориентированных памятных дней в какой-то мере отражал общий с середины XIX в. тренд «историзации» общественного сознания. В то же время апелляция к сюжетам исторического прошлого, конструирование и насаждение исторической мифологии нередко свидетельствовали о недостатке легитимации власти и желании ее обосновать или обновить. Идет ли речь об укреплении пошатнувшегося положения власти в результате внутренней или внешней угрозы или о легитимации нового, непрочного еще режима, значение празднеств вообще, празднеств с «историческим содержанием» в частности, как одного из мощных и универсальных средств социально-психологического воздействия на население, индоктринации его, многократно увеличивается в переходные эпохи. Чем острее эта необходимость легитимации, тем более грандиозны и часты празднества, тем более масштабны исторические параллели, величественны исторические мифы. Стабилизация же власти, ослабление внутренних и внешних угроз сопровождаются в значительной мере утратой интереса к «историческим» праздникам и годовщинам.

Список источников

Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. Р–98. Оп. 1. Д. 18. Л. 386; Ф. Р–732. Оп. 1. Д. 127. Л. 72; Д. 1062. Л. 78, 80, 81.

Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 1. 626 с.; М.: Политиздат, 1968. Т. 4. 731 с.

Инсценировка империалистической войны: Сценарий. Казань: Б.и., 1924. 10 с.

- Как это было в 1967 году – в год полувекового юбилея Октября! URL: <https://www.lenpravda.ru/blog/3809> (дата обращения: 05.01.2019).
- Межрелигиозный совет России. Официальный сайт. URL: <http://interreligious.ru/about/> (дата обращения: 10.01.2019).
- Несогласие с примирением // Известия. 2003. 6 ноября. URL: <https://iz.ru/news/283552> (дата обращения: 09.01.2019).
- Постановление Президиума ЦИК СССР от 26 октября 1927 г. «О праздничных днях, посвященных годовщине октябрьской революции, и об особых днях отдыха». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=26474#06108520232857746> (дата обращения: 05.01.2019).
- Россияне о единстве нации. Таблицы // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=4354> (дата обращения: 11.01.2019).
- Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР (1938 г. – июль 1956 г.). М.: Госуриздат, 1956. 500 с.
- Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 197–ФЗ (ТК РФ) (с изменениями и дополнениями). URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12125268/paragraph/1043:10> (дата обращения: 10.01.2019).
- Указ Президента Российской Федерации от 7 ноября 1996 г. № 1537 «О Дне согласия и примирения». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/10231> (дата обращения: 10.01.2019).
- Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1965 г. № 3478–VI «Об объявлении 9 мая нерабочим днем». URL: <http://base.garant.ru/6341190/> (дата обращения: 09.01.2019).
- Федеральный закон от 13 марта 1995 г. N 32–ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/1518352/paragraph/38:3> (дата обращения: 10.01.2019).
- Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. N 201–ФЗ О внесении изменений в статью 112 Трудового кодекса Российской Федерации // Российская газета. 2004. 31 декабря.
- Хакимов Р. Путин сказал: «Татары против – праздника Куликовской битвы не будет» // Бизнес-онлайн. 2017. 19 февраля. URL: https://www.business-gazeta.ru/article/337720?utm_source=discussable-box (дата обращения: 05.01.2019).

Библиографический список

- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Военный парад на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 г. стал великолепным примером мужества и отваги. URL: http://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=10769032@cmsArticle (дата обращения: 04.01.2019).
- День народного единства в России: история праздника // РИА Новости. 2012. 3 ноября. URL: <https://ria.ru/20121103/908875140.html> (дата обращения: 11.01.2019).
- День народного единства. URL: https://ru.wikipedia.org/День_народного_единства (дата обращения: 10.01.2019).
- Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
- Красильникова Е.И. Октябрьские торжества в Сибири в годы Великой Отечественной войны: коммеморативный аспект // Вестник Томского государственного университета. История. Исторические науки. 2017. № 490. С. 144–151.
- Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть?: Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та, 2015. 572 с.
- Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Полит. энциклопедия, 2015. 207 с.
- Мальшева С. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы и исторические мифы (1917–1927 гг.). Казань: Рутен, 2005. 400 с.

- Назаров В. 4 ноября. Злоключения одной российской даты // Вокруг света. 2005. 1 ноября. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1507/> (дата обращения: 05.01.2019).
- Нарский И.В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск: Каменный пояс, 2004. С. 394–412.
- Пчелов Е.В. Хронологический комментарий к «Дню народного единства». URL: <http://kogni.narod.ru/time4.htm> (дата обращения: 05.01.2019).
- Brandenberger D. National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. Cambridge: Harvard University Press, 2002. 378 p.
- Figes O., Kolonitskii B. Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917. New Haven; London: Yale University Press, 1999. 198 p.
- Geldern J. von. Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley (L.A.); London: University of California Press, 1993. 316 p.
- Lane Ch. The Rites of the Rulers. Ritual in Industrial Society – the Soviet Case. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 308 p.
- Malysheva S. Mass Urban Festivals in the Era of War and Revolution, 1914–22 // Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922. Book 2: Political Culture, Identities, Mentalities, and Memory /eds. M. Frame, B. Kolonitskii, S.G. Marks, and M.K. Stockdale. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2014. P. 99–120.
- Schloegel K. Jenseits des Großen Oktober. Das Laboratorium der Moderne. Petersburg 1909–1921. Berlin: Siedler Verlag, 1988. 544 S.
- Smith K.E. Mythmaking in the New Russia. Politics and Memory during the Yeltsin Era. Ithaca; London: Cornell University Press, 2002. 240 p.
- Stites R. Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life on the Russian Revolution. New York; Oxford: Oxford University Press, 1989. 324 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 15.01.2019

MEMORY OPERATIONS: EVOLUTION OF THE HISTORICAL MYTHOLOGY OF THE “NOVEMBER” HOLIDAYS IN RUSSIA

S. Yu. Malysheva

Kazan Federal University, Kremlevskaya str., 8, 420008, Kazan, Russia
Svetlana.Malycheva@kpfu.ru

The article deals with the use of “November” holidays (November 7 and 4) as the tools for the institutionalization of cultural memory of historical events. An attempt is made to reflect on the evolution of historical mythology and to redefine the meaning of the main Soviet holiday – the Day of the Proletarian Revolution during the 20th and early 21st centuries. In the early Soviet period, revolutionary retrospective prevailed in the historical mythology of October. During the Great Patriotic War, it was extensively revised to the appeal to the stories and personalities of Russian history. In the late Soviet period, the historical component of the holiday was significantly reduced and formalized. The collapse of the Soviet Union, its ideological heritage, the formation of different ideas of the country's past and future, acute civil political and military confrontations of the 1990s, and the gradual dissipation of the Soviet identity in the late 20th and early 21st centuries actualized the task of changing the historical *longue durée* – from the revolutionary retrospective to a national/nationalist one. These circumstances predetermined the fate of the main revolutionary holiday of the USSR. The rapid and historically unjustified change of historical meanings of the “November” holiday in Russia in the 1990s and early 2000s testified to the quality of the political situation in the country, the state of power, and the lack of consensus in the sociopolitical sphere. Operations with cultural memory, enhanced construction and planting of historical mythology are most often due to the lack of legitimation of power and the desire to justify or update it.

Key words: Holiday, November 7, Historical Mythology, Cultural Memory.

References

- Assman, Ya. (2004), *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity], *Yazyki slavyanskoy kul'tury*, Moscow, Russia, 368 p.

- Brandenberger, D. (2002), *National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956*, Harvard University Press, Cambridge, USA, 378 p.
- Den' narodnogo edinstva [National Unity Day], available at: https://ru.wikipedia.org/День_народного_единства (accessed 10.01.2019).
- Figes, O. & B. Kolonitskiy (1999), *Interpreting the Russian Revolution. The Language and Symbols of 1917*, Yale University Press, New Haven; London, USA – UK, 198 p.
- Geldern, von J. (1993), *Bolshevik Festivals, 1917–1920*, University of California Press, Berkeley (L.A.), USA, 316 p.
- Krasil'nikova, E.I. (2015), *Pomnit' nel'zya zabyt'?: Pamyatnye mesta i kommемorativnye praktiki v gorodakh Sibiri (konets 1919 – seredina 1941 g.)* [Remember can not forget?: Memorials and commemorative practices in the cities of Western Siberia (late 1919 – mid 1941)], Izdatel'stvo NGTU, Novosibirsk, Russia, 572 p.
- Krasil'nikova, E.I. (2017), "October celebrations in Siberia during the Great Patriotic War: commemorative aspect", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. Istoricheskie nauki*, № 490, pp. 144–151.
- Lane, Ch. (1981), *The Rites of the Rulers. Ritual in Industrial Society – the Soviet Case*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 308 p.
- Malinova, O.Yu. (2015), *Aktual'noe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvuyushchei elity i dilemmy rossiyskoi identichnosti* [Actual past: the symbolic policy of the ruling elite and the dilemmas of Russian identity], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, 207 p.
- Malysheva, S. (2005), *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvol'y i istoricheskie mify (1917–1927 gg.)* [Soviet festive culture in the province: space, symbols and historical myths (1917–1927)], Ruten, Kazan, Russia, 400 p.
- Malysheva, S. (2014), "Mass Urban Festivals in the Era of War and Revolution, 1914–22", in Frame, M., Kolonitskiy, B., Marks, S.G., and Stockdale, M.K. (eds.), *Russian Culture in War and Revolution, 1914–1922. Book 2: Political Culture, Identities, Mentalities, and Memory*, Slavica Publishers, Bloomington, IN, USA, pp. 99–120.
- Narskiy, I.V. (2004), "The construction of the myth of the civil war and the peculiarities of collective forgetting in the Urals in 1917–1922", in *Vek pamyati, pamyat' veka: Opyt obrashcheniya s proshlym v XX stoletii* [The century of memory, the memory of the century: The experience of dealing with the past in the 20th century], Kamennyy poyas, Chelyabinsk, Russia, pp. 394–412.
- "National Unity Day in Russia: the history of the holiday" (2012), *RIA Novosti*, November 3, available at: <https://ria.ru/20121103/908875140.html> (accessed 11.01.2019)
- Nazarov, V. (2005), "November 4th. Misadventures of one Russian date", *Vokrug sveta*, November 1, available at: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1507/> (accessed 05.01.2019)
- Pchelov, E.V. (w.d.), *Khronologicheskiy kommentarii k "Dnyu narodnogo edinstva"* [Chronological commentary on the "Day of National Unity"], available at: <http://kogni.narod.ru/time4.htm> (accessed 05.01.2019)
- Schloegel, K. (1988), *Jenseits des Großen Oktober. Das Laboratorium der Moderne. Petersburg 1909–1921*, Siedler Verlag, Berlin, Deutschland, 544 s.
- Smith, K.E. (2002), *Mythmaking in the New Russia. Politics and Memory during the Yeltsin Era*, Cornell University Press, Ithaca; London, USA – UK, 240 p.
- Stites, R. (1989), *Revolutionary Dreams. Utopian Vision and Experimental Life on the Russian Revolution*, Oxford University Press, New York; Oxford, USA – UK, 324 p.
- Voennyi parad na Krasnoy ploshchadi v Moskve 7 noyabrya 1941 g. stal velikolepnym primerom muzhestva i otvagi* [The military parade on Red Square in Moscow on November 7, 1941 became a magnificent example of courage and bravery], available at: http://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=10769032@cmsArticle (accessed 04.01.2019).
- Zubkova, E.Yu. (1999), *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953], ROSSPEN, Moscow, Russia, 229 p.